

ЛОГИКА СМЫСЛА

© 2004 А. С. Кравец

Воронежский государственный университет

(Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Пр. 03-03-00010а.)

В данной работе мы хотели бы рассмотреть одно из самых существенных свойств смысла: его логичность.

В самом общем толковании смысл – это некоторая мысль, стоящая за знаком или подразумеваемым знаковым выражением. (О трактовках понятия смысл см.[8]).

Смысл – это идеальная сущность, феномен интеллигибельный, т. е. умопостигаемый, он неразрывно связан с человеческим мышлением. Поэтому подлинное царство смысла в духе, в сознании человека. Но человеческие смыслы могут передаваться другим людям, т.е. транслироваться в культуре, быть понятыми людьми только в том случае, если они обретают свою вторую, знаковую, форму существования, если они выражены в языке.

Язык представляет собой продукт развития человеческой культуры. Это специально созданная для выражения смысла система, всеобщий хранитель и транслятор человеческих смыслов. Смысл, выраженный в языке, представляет собой отчужденную от человека, творца и носителя смысла, форму его существования.

Обмен смыслами в культуре возможен именно благодаря языковой, т. е. опредмеченной в знаках, форме его существования. В языке смысл обретает устойчивую и доступную для понимания форму своего существования. Однако язык отнюдь не является неким пассивным хранилищем смысла (т. е. бледной его тенью), он активно способствует развитию и творению смыслов. В коммуникативной деятельности взаимно проникают друг в друга законы мышления и законы построения языковых выражений, эти два ряда законов являются конгруэнтными, они взаимно накладываются друг на друга и соответствуют друг другу.

Несмотря на огромное разнообразие творимых человеком смыслов, различающихся своим содержанием, существует общее правило для их творения: они должны быть логичными.

Но что такое логичность? Очевидный ответ выглядит довольно просто: логичное – это то, что подчиняется законам логики. В самом общем смысле логика – это наука о формах правильного (допустимого, разрешенного) мышления. Уже Аристотель сформулировал законы и силлогизмы правильного мышления, и эта логи-

ка получила при дальнейшей доработке название формальной. По существу, такая логика обосновывает правильные выводы из суждений. Известно, что для Аристотеля объектом приложения норм логики служил греческий язык.

Вопрос о приложимости формальной логики к обыденному языку и коммуникации дискутируется весьма продолжительное время. Уже в самом названии “формальная логика” как бы допускается мысль, что естественный язык обычно выходит за пределы указанной формальности. Было несколько попыток предложить программу формализации языка. Большинство из них окончились неудачей. Л. Витгенштейн в своих поздних “Философских исследованиях” довольно критически оценил попытки формально-логической терапии естественного языка. С его точки зрения, усилия, направленные на создание некоего идеального (с точки зрения канонов формализации) языка, равноценны попыткам устранения трения при движении. Но для движения необходимо трение, ибо на идеально скользкой поверхности движение невозможно.

Следует отметить, что попытки создания логики, учитывающих богатство естественного языка и речи, в целом оказались продуктивными для развития современной логики, поскольку стимулировали развитие ее новых направлений, например, модальных и интенциональных логик [13].

Развитие в 60-х годах теории речевых актов [9], в которых высказывание рассматривается как действие говорящего, направленное на достижение определенной цели, вновь обострило проблему соотношения логики и естественного языка. Проблема состояла в том, что понимание речевых актов базируется на умозаключениях, которые выводятся не столько из эксплицитной, манифестируемой в речи формы высказывания, сколько из имплицитных предпосылок, включающих распознавание намерений говорящего, учет контекста и социокультурных норм коммуникации. Безусловно, классическая логика не рассчитана на учет этих факторов.

Никто из дискурсантов не отрицал логичности речевых актов. Дискуссия развернулась по вопросу, что это за логика? Дж. Лакофф назвал ее “естественной логикой”, т. е. логикой, при-

сущей употреблению естественного языка. Основное противостояние развернулось по вопросу: можно ли построить такую логику (формализованную систему), которая учитывала бы особенности естественной логики, или же различия между естественной логикой и требованиями формализации являются настолько принципиальными, что ни о какой формализованной логике речевых актов не может быть и речи.

Помимо присущей языку неоднозначности лексем существует ряд других барьеров на пути формализации естественной логики. К числу возникающих препятствий на пути формализации естественного языка можно отнести следующие.

1. Вывод следствий из суждения предполагает использование формальных символов, таких как \sim (отрицание), \wedge (конъюнкция), \vee (дизъюнкция), \supset (следование), $\forall(x)$ (квантор всеобщности), $\exists(x)$ (квантор существования), $!x$ (квантор единственности). Обычно считается, что в языке им соответствуют слова “не”, “и”, “или”, “если”, “все”, “некоторые”, “определенный, единственный”.

Существуют два подхода к проблеме. Одни считают, что различия между формальными символами и словами естественного языка не столь существенны, другие – абсолютизируют различия между ними, считая естественный язык в принципе неформализуемым. По мнению Г.П. Грайса, “оба подхода являются крайностями, которые можно преодолеть в рамках естественной логики”. “Тем самым имеет право на существование упрощенная, и потому более или менее несистематическая логика, логика естественных языковых аналогов формальных символов; упрощенная формальная логика может подкреплять и направлять эту логику, но ни в коем случае не вытеснять и не подменять ее. На самом деле эти две логики не просто отличаются друг от друга – они могут и противоречить друг другу: правила, верные для формального символа, могут нарушаться для его естественного аналога” [5, 219].

2. В естественном языке является обычным употребление так называемых указательных (дейктических) элементов: здесь – там, мой – твой, этот, времена глаголов. “Дейктическим называется такой элемент, у которого в состав значения входит идентификация объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации и т. д. – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту” [3, 16].

По существу, естественный язык ставит говорящего в привилегированное положение во Вселенной, именно от него как некоего смысло-

вого центра исходят все референции, дейктические привязки сказанного к ситуации. В последние годы были разработаны формально-логические системы (Монтегю, Скотт), в которых удалось учесть формальную привязку высказываний к определенному миру (например, миру говорящего). И все же трудности с формализацией индексов (указателей) полностью не преодолены, тогда как в рамках естественной логики привязка высказывания к контексту (миру), определенному фигурой говорящего, является вполне естественной и необходимой для понимания [11].

3. В формальной логике все следствия выводятся из эксплицитно выраженного в суждении смысла. В коммуникативной практике возможны импликации на основе учета экстралингвистических факторов. Другими словами, смысл сказанного дополняется смыслом недосказанного, не выраженного в языке, что учитывается естественной логикой.

4. В формальной логике логические следствия выводятся на основе учета истинностных значений высказываний. Однако многие речевые акты (перформативы) не имеют истинностного значения (просьбы, вердикты, обещания и т. д.), поэтому импликации речевых актов выводятся на основе других критериев (искренности, успеха), учитываемых естественной логикой.

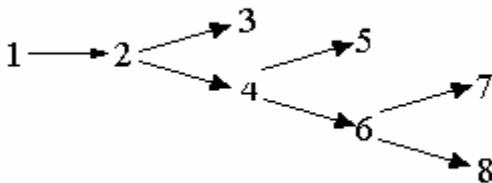
5. Наконец, следует остановиться на проблеме косвенных смыслов (метафора, ирония, намеки, риторические приемы), которые являются подлинной мукой для формальной логики. При употреблении косвенных смыслов человек говорит буквально одно, а имеет в виду совсем другое. Естественная логика дает ключ к расшифровке косвенных смыслов и позволяет опделить для этого случая логику импликаций.

§ 1. Логика языковых выражений (языковых единиц)

В начале мы рассмотрим основные смысло-несущие элементы языка – слова и предложения. В системе языка слова (лексемы) образуют отнюдь не хаотичный набор. В языке просматривается некая смысловая иерархия слов, выражающая отношения общего и единичного (родовые отношения), целого и части, эквивалентности (синонимия), противоположности (антиномия). Все полноточные слова (т. е. кроме союзов, предлогов и т. д.) тяготеют к двум основным семантическим семействам, к именам и предикатам. В функцию первых входит обозначение объектов, функцией вторых является обозначение свойств.

Система слов (лексикон) напоминает детали большого конструктора, из которого можно образовывать полнозначные единицы смысла – предложения. Но именно для того, чтобы образовывать правильные смыслы в предложениях, слова должны иметь какие-то семантические “зацепы”, они должны логично накладываться друг на друга в синтагмах (т. е. последовательностях слов в предложении).

Уже Аристотелю была известна таксономия имен, задающая гиперо-гипонимическую (т. е. родо-видовую) структуру. Ю.С. Степанов представляет ее в виде дерева последовательных дихотомий:[16, 76]

Здесь (1) означает метазнаки, т. е. предельно общие имена любых совокупностей, т. е. имена: *совокупность, класс, множество, список, объединение* и т. д.; (2) – имена вещей (объектов); (3) имена неживых предметов; (4) имена живых предметов; (5) – имена неодушевленных предметов (растений); (6) имена одушевленных предметов; (7) – имена животных; (8) – имена лиц (людей). Для данной схемы характерно включение каждого последующего в именовании класса предметов в предыдущий, и поэтому все имена, образующие гиперо-гипонимическую структуру, обладают экстенциональной природой. Термины интенционал и экстенционал взяты из логики. Интенционал – это смысл понятия, а экстенционал – это те объекты, которые входят в объем понятия.

Однако приведенная схема не является идеальной. Она не включает в себя огромное количество имен. Вспомним еще раз заключение Витгенштейна о том, что естественный язык не идеален и его нельзя уложить в прокрустово ложе теоретико-множественных отношений.

Экстенциональные имена применяются как к классу предметов, так и к отдельному предмету. (“Человек” и имя класса и имя отдельного человека). Из общих экстенциональных имен можно образовывать индивидуальные имена (т. е. имена объектов, входящих в класс) с помощью уточняющих дескрипций и дейктики (*дом: деревянный дом, каменный дом* и т. д., *пояс: мой пояс, его пояс, твой пояс* и т. д.). Индивидуальное имя обладает денотатом, т. е. единственным значением из экстенционала.

Классы с экстенциональной структурой могут именовать не только предметы (в субстанциональном смысле), но и феномены духовной жизни человека, например, *идея, слово, предложение* и т. п. Однако существуют имена, не имеющие экстенциональной структуры. Обычно это имена, образованные от глаголов и прилагательных, например, *нежность, плавание, высота*.

Известно, что один и тот же денотат может определяться различным смыслом (интенционалом), например, *Утренняя Звезда= Вечерняя Звезда= Венера*. Различные имена с экстенциональной структурой могут заменяться в предложениях, если они имеют один и тот же денотат, но разные смыслы. Это правило было известно еще Лейбницу. Например, *Ученик Платона (Аристотель) построил систему формальной логики=Воспитатель Александра Македонского (Аристотель) построил систему формальной логики*. Однако такая замена имен невозможна в так называемых контекстах мнения (в предложениях, имеющих структуру: *Н знал, думал, предполагал что... и т. д.*). Например, предложения, *Иван знал, что ученик Платона построил систему формальной логики* и *Иван знал, что воспитатель Александра Македонского построил систему формальной логики* логически не эквивалентны в силу несовпадения личного и общезначимого смыслов имен. (Иван мог и не знать, что Аристотель был воспитателем Александра Македонского).

Смысл имени обычно задается на основе какого-либо признака, характеризующего класс предметов. Однако не надо думать, что эти признаки всегда выражают какое-либо объективное свойство предмета. Многие имена образуются на основе прагматических, оценочных отношений к характеризуемому предмету, например, *негодяй, подлец, трус*.

Помимо гиперо-гипонимических отношений в иерархии имен просматриваются отношения части и целого, которые нельзя смешивать с отношением общего и единичного. Такое смешение может приводить к абсурду. Например, можно сказать *стул входил в состав мебели* (единичное-общее), но нельзя сказать *ножки стула входили в состав купленной мебели* (здесь ножки стула неверно трактуются как самостоятельный элемент класса “мебель”).

Вернемся теперь к предикатным именам, или просто к предикатам. Их так же можно классифицировать по группам. Например, Аристотель в “Категориях” (IV, 1b) выявил десять типов предикатов: сущности (субстанции), количества, качества, отношения (соотнесенности), места (где?), времени (когда?), положения,

обладания (состояния), действия, претерпевания. В более обобщенном варианте типы предикатов могут быть объединены в три группы: сущности, свойства (состояния) и отношения [16, 162].

Важная семантическая функция предикатов состоит в том, что они характеризуют с какой-либо стороны предмет, выражающий субъект предложения. В этом плане они имеют принципиально дополнительный характер в завершении смысла. Именно они придают законченность мысли в соединении с предметным именем. Сами предикаты (в особенности выраженные глаголом и прилагательным) не образуют класса, им не присуща гиперо-гипонимическая структура. Действительно, само по себе свойство не существует отдельно от предмета. Более того, один и тот же предикат может характеризовать весьма различные предметы. *Двигаться* может и планета, и машина, и животное.

Поскольку предикаты не имеют самостоятельного существования, они не соотносимы с денотатом по тому же принципу, что предметные имена. Они не могут составлять экземпляры класса, на которые можно было бы указать пальцем или как-то перечислить. Нельзя сказать *красное это*, а всегда – *красная роза, красный флаг, красный закат*. Конечно, это не значит, что предикаты ничего не отражают в реальности. Безусловно, они способны отражать какие-либо свойства, но свойство – это не отдельный самостоятельный предмет.

Поскольку целостный смысл выражается пропозицией (соединением имени с предикатом), важнейшее значение приобретает вопрос, по каким принципам происходит сочетание имен и предикатов. Логично было бы предположить, что определенным классам предметных имен соответствуют определенные парадигмальные списки (группы) предикатов. Это общее предположение напрашивается общефилософским соображением, что каждому классу объектов в мире присущ свой спектр возможных свойств.

Действительно, в лингвистике уже давно был выявлен принцип семантического согласования имен и предикатов [18]. Если исходить из схемы дихотомического деления класса имен на роды и виды, то этот принцип семантического согласования нетрудно сформулировать. Если взять наиболее общие имена, соответствующие начальной нумерации классов, то парадигмальный набор присущих им предикатов (как вес, размеры и т. п.) проходит через все классы. Наоборот, специфические признаки подклассов (в нашей нумерации это соответствует с 3-го и далее) не могут быть перенесены на класс, из ко-

торого они образованы. Так, признаки *расти, дышать, размножаться* не могут быть приписаны неживым предметам, а признаки *думать, вычислять, планировать* – именам, обозначающим класс животных.

К сожалению, как мы отмечали, все многообразие имен в языке не может быть уложено в последовательную гиперо-гипонимическую структуру. Более эффективно проблему сочетаемости слов в предложениях можно решить на основе семного подхода [2].

Семы – это составляющие компоненты смысла слова. Смысл любого слова может быть разложен на эти семантические составляющие. Например, *кобыла=лошадь + самка, холостяк=мужчина + взрослый + не состоящий в браке*. На основе семного анализа формулируется общее правило построения осмысленных синтагм: слова могут образовывать правильную синтагму, если у них есть общая (пересекающаяся) сема. Например, *старый холостяк* (общая сема – *возраст*), *маленькая коробочка* (общая сема – *размер*).

У синонимов в пределе все семы совпадают, у антонимов какие-либо семы находятся в контрарных отношениях. Замена в выражениях исходного слова на его синоним сохраняет смысл сказанного: *Джон был карликом=Джон был очень мал ростом*. Замена слова его антонимом приводит к отрицанию (противоположности) высказывания: *В балетную школу принимали только девочек. # В балетную школу принимали только мальчиков*. С позиции семного анализа можно сказать, какие сочетания слов могут приводить к бессмыслице или даже абсурду. Бессмысленными будут сочетания, не содержащие общих сем (*фонема обоняла, зеленые идеи*), абсурдными же, которые сочетают контрарные семы: *квадратный круг, женатый холостяк, живой труп*.

В целом, правильное, т. е. имеющее смысл, предложение подчиняется трем кодовым программам: семантической согласованности слов, синтаксической управляемости последовательностью слов и лексической сочетаемостью [10]. Только из осмысленного предложения, имеющего истинностное значение, можно делать правильные с логической точки зрения выводы. То, что выводится из предложения как логическое следствие, называется его импликатурами. Например, из предложения *Эдвард вчера встретил свою сокурсницу по Кэмбриджскому университету* можно сделать вывод – *Эдвард учился в Кэмбриджском университете*.

Среди предикатов можно выделить группы глаголов, которые предполагают очевидные импликации и преобразования смыслов. Например,

свойством обратимости смысла обладают конверсивы (глаголы *купил-продал*, *выиграл-проиграл* и т. п.). Замена исходного предиката на его конверсив с изменением актантов действия, оставляет экстенционал предложения неизменным: *Иван купил машину у Петра = Петр продал машину Ивану*.

Особой логикой обладают фазовые глаголы: *встать, сесть, прекратить, начать, закипеть, растаять* и т. д. Например, из предложения *Вода в чайнике закипела* следует вывод, что до этого времени *вода в чайнике нагревалась, Николай прекратил работу*, следовательно, ранее *Николай работал*.

Все правильно образованные смыслы предложения располагаются между тавтологией и абсурдом. Тавтология (*война есть война, женщина есть женщина*) обладает нулевой информативностью, вводя тему (*война, женщина*), она ничего не прибавляет в реме, мысль говорящего закичивается в круге: с чего она началась, на том же и заканчивается. Поэтому тавтология не дает никаких импликаций. Абсурд разрушает смысл, он вводит невозможные ни в каком мире события, “положения дел” (*зеленые идеи яростно спят*) или синтагмы, в которых составляющие слова самоотрицают друг друга (*квадратный круг, живой труп*), поэтому из абсурда также невозможно сделать никаких логически последовательных выводов.

До сих пор мы рассматривали прямые смыслы языковых выражений, которые организуются по определенным правилам, важнейшим из которых является семантическое согласование имен и предикатов. Однако существуют выражения, которые, на первый взгляд, грубо нарушают семантическое согласование, но тем не менее имеют смысл. Речь идет о так называемых косвенных (или переносных) смыслах. Косвенный смысл употребляется в метафорах, иронии, намеках, в риторических выражениях, например, *от любви остался только пепел; наш начальник – дубина*.

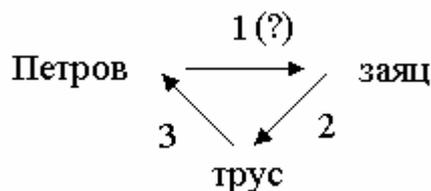
Косвенные смыслы всегда сигнализируют о себе либо нарушением семантической согласованности, либо своим несоответствием контексту, поэтому они в какой-то степени алогичны. Именно наличие этой алогичности, семантической несогласованности слов внутри предложения служит сигналом для реципиента (слушающего), что нужно как-то перетолковать буквальный смысл сказанного, найти за ним какой-то другой смысл, который восстановит семантическую норму в своих правах.

При употреблении косвенных смыслов мы, по существу, сталкиваемся с двумя смыслами, между которыми слушающий должен осуществ-

ить переход, если он считает, что говорящий вполне логичен и хочет сообщить ему нормальный (т. е. соответствующий нормам языка) смысл. Речь идет о *буквальном смысле*, который манифестирован в языковом выражении и который отклоняется от языковых конвенций, и о *подлинном смысле*, который скрывается за буквальным, т. е. существует в имплицитной форме. Буквальный смысл – это то, что говорит человек, а подлинный – это то, что он имеет (подразумевает) на самом деле в виду.

В определении косвенного смысла нет должной четкости: одни считают, что косвенный смысл и есть буквальный смысл, другие косвенным смыслом считают имплицитный, т. е. подлинный и перетолкованный смысл сказанного. По нашему мнению, термин “косвенный смысл” имеет прежде всего операциональное значение. Лингвисты маркируют этим термином то языковое выражение, которое для понимания сказанного требует особой интерпретативной работы, т. е. дополнительного умозаключения от буквально выраженного смысла к скрытому, подлинному смыслу. Другими словами, мы говорим, что выражение употреблено в косвенном смысле, когда за его выраженным на поверхности (т. е. прямым и общезначимым) смыслом лежит скрытый и подлинный смысл.

В основе понимания косвенного смысла лежит операция переноса значений. Возьмем выражение *Петров – заяц*. Буквально сказанное нарушает семантическое согласование имени и предиката. Исходя из презумпции, что люди обычно не нарушают языковых конвенций, можно предполагать, что мы имеем дело здесь с косвенным смыслом, требующим перетолкования смысла слова “заяц”. Нахождение подлинного смысла сказанного возможно, если мы выделим в слове “заяц” типичную (ядерную) сему, т. е. наиболее характерный компонент смысла – *трусливое животное*, и попытаемся связать этот типичный смысл с именем “Петров”. На рисунке этот процесс представлен стрелками семантического согласования:

Связь (1) – буквально сказанное, которое является отклонением от нормы. Связь (2) явно не выражается в сказанном, но именно выражение *заяц – трус* является типичным для истолкования смысла слова “заяц”. Связь (3) переносит сему *трус* (характеристику поведения животного-

го) на характеристику человека: *Петров – трус*. Последний смысл уже соответствует норме и является подлинным смыслом употребленной метафоры.

Итак, мы рассмотрели смысловое содержание языковых единиц (слово, синтагма, предложение) с точки зрения их логических возможностей, т. е. выведения из них логических следствий. Конечно, в строгом значении логическое следствие можно вывести лишь из законченной мысли, т. е. из предложения, но слова в составе предложения подчиняются естественной логике семантического согласования, опосредованно отражающей связь вещей, их свойств и отношений. Все следствия, которые мы можем вывести из предложения, получили название импликатур. Однако существует еще одна существенная и неучтенная нами связь смысла предложения с предпосылочным смыслом, который выражается пресуппозицией.

Пресуппозиции можно выявить, восстановить из смысла предложения, но в строгом смысле они не являются импликацией. Импликация зависит от истинностного значения (истина/ложь) предложения, тогда как пресуппозиция не зависит от него, она полагается пропозициональным смыслом, который, как известно, абстрагируется от модусов предложения.

Возьмем два взаимоисключающих предложения: *У Ивана заболела жена, У Ивана жена здорова*. Общей пресуппозицией этих предложений будет предложение *У Ивана есть жена*, независимо от того, какое из них будет истинным, а какое ложным. «Пресуппозиция – это особая разновидность семантического следствия» [3, 32].

Особенность пресуппозиции как раз и заключается в том, что она является предпосылочным смыслом для формирования как истинных, так и ложных предложений. И наоборот, если пресуппозиция является ложной, то она подрывает смысл сказанного. Например, если кто-то сказал *Закройте окно*, то эта фраза предполагает пресуппозицию, что *в комнате существует хотя бы одно открытое окно*. Но если в комнате нет ни одного окна, то присутствующие в ней люди сочтут сказанное как нарушение смысла или какую-то ошибку говорящего.

Наиболее типичными являются экзистенциальные пресуппозиции, т. е. пресуппозиции существования объектов, о которых идет речь в предложении. Возьмем простой пример: *Нынешний король Франции лыс*. В нем, если иметь в виду современный контекст, нарушается пресуппозиция существования «короля». Можно было бы сказать, что у данного имени нет референта. Данное высказывание нельзя опроверг-

нуть противоположным: *Нынешний король Франции не лыс*. П. Стросон считает, что подобные высказывания с отсутствующим референтом все-таки имеют смысл, но не имеют истинностного значения (как ложного, так и истинного). Такая ситуация была названа провалом истинности [17]. Стросон указал, что пресуппозиция существования в приведенной фразе восстанавливается в некоторых контекстах, например, по отношению к Франции XVII века, и будучи произнесенной в этих условиях, она могла бы быть либо истинной, либо ложной.

Специфика экзистенциальных пресуппозиций заключается в том, что они вводят (предполагают) тот мир, в котором сказанное обретает свой смысл. Иногда это введение в предполагаемый мир становится явным. Например, в сказочном сюжете: *В городе N жил-был маленький мальчик* (пресуппозиция). *Мальчик мечтал стать клоуном* (пропозиция); в математических текстах: *допустим, что параллельные прямые в нашем пространстве не пересекаются...* и т. д. Отсюда следует, что воображаемые сказочные или нереальные предметы могут вводиться пресуппозицией существования и порождать соответствующие смыслы предложения. Однако здесь существует строгое правило: при формулировании смысла предложения (текста) в нем нельзя смешивать воображаемые и реальные миры, т. е. предполагать альтернативные пресуппозиции. Например, предложение *Санта-Клаус примчался на оленях*, предполагает существование сказочного персонажа и вполне осмысленно. Однако предложение *Я пообедал с Санта-Клаусом* вводит две пресуппозиции, исключающие друг друга: говорящего в реальном мире и существования нереального персонажа в сказочном мире. Поэтому в целом оно воспринимается как абсурдное.

Помимо экзистенциальных пресуппозиций существуют еще фактивные, связанные с истинной полагаяемого факта в контекстах мнения (например, *Николай знает, что Земля больше Луны*). Здесь пресуппозицией является *Земля больше Луны*. Кроме того существуют категориальные пресуппозиции, связанные с отнесением имени к определенному семантическому классу, например, (1) *Наполеон решил создать боеспособную армию* и (2) *Наполеон вилял хвостом*. В первом случае предикативная группа порождает пресуппозицию существования лица, во втором случае – собаки.

Наш анализ логических возможностей языковых единиц завершен. Мы рассмотрели, выражаясь языком физики, статический аспект логики смысла, абстрагируясь от реалий живой речи. Далее мы перейдем к динамике, т. е. к ре-

чевым актам, в которых логические возможности вывода следствий значительно богаче.

§ 2. Логика речевых актов.

Под речевым актом понимают употребление предложений в живой речи, в условиях коммуникации. П. Стросон одним из первых обратил внимание на то, что понимание речевых актов в сильной степени обусловлено контекстом коммуникации, а также на то, что речевой акт всегда производится говорящим с определенной целью.

Теория речевых актов в своей основе была разработана в трудах британского философа Дж. Остина [12] и его американского коллеги Дж. Серля [15].

По Остину речевой акт всегда является действием говорящего, что-либо меняющим в мире или в сознании слушающего [9].

Такие акты, которые производят какие-либо изменения в мире, Остин назвал перформативами и резко противопоставил их констативам, в которых описываются какие-либо факты. Однако впоследствии получила признание *перформативная гипотеза*, согласно которой любое высказывание в живой речи содержит перформативную часть. Так, описание “снег бел” (констатив), употребленное в коммуникации говорящим, означает на самом деле следующее: “Я утверждаю, обращаясь к тебе, что снег бел” [11, 440]. Реконструированное высказывание уже явно содержит перформативную часть *Я утверждаю*.

Дж. Серль показал, что любое высказывание включает *локуцию*, т. е. манифестируемую часть высказывания, организованную в соответствии с языковыми конвенциями, *иллокуцию*, в явной или неявной форме выражающую намерения и цели говорящего, и *перлокуцию*, т. е. эффект или воздействие, оказываемое этим речевым актом на слушающего.

Если обозначить пропозициональную часть высказывания как *p*, то речевой акт может рассматриваться, как погруженный в модальную рамку, содержащую перформативный предикат: *утверждаю, что p; отрицаю, что p; прошу сделать тебя p; обещаю p; запрещаю p* и т. д.

Безусловно, речевой акт в сильной степени отличается от предложения как языковой единицы. Все выводы (следствия) из предложения как языковой единицы могут быть сделаны на основе явно содержащегося в ней смысла. В самом деле, из предложения *Здесь холодно* можно сделать выводы *Здесь не жарко, Здесь люди испытывают дискомфорт*.

Однако в речевых актах, в которых всегда присутствуют фигуры говорящего и слушающего, существенное значение приобретает кон-

текст коммуникации, намерения и цели говорящего, его скрытые намеки, т. е. все имплицитные иллокуции. Обратимся к той же фразе *Здесь холодно*, произнесенной, например, графом в гостиной в присутствии дворецкого. Произведя определенные умозаключения о скрытых намерениях графа, дворецкий сделает вывод о том, что граф отдает ему приказ *Закрой окно*. Этот вывод, безусловно, не является обычным логическим следствием, он не содержится в эксплицитной части высказывания, и тем не менее слушающий делает этот вывод, учитывая как явно выраженное семантическое содержание, так и всю совокупность экстралингвистических факторов. Все выводы, которые можно сделать из речевого акта на основе учета лингвистических и экстралингвистических факторов, называются обычно импликатурами. Мы видим, что спектр возможных импликаций в речевых актах существенно расширяется по сравнению с абстрагированным от коммуникативных условий предложением.

Естественно, что это же положение касается и пресуппозиций, т. е. предпосылочных допущений, которые являются основанием для производства речевого акта. Поэтому, когда говорят о речевых актах, то чаще употребляют не термин “пресуппозиция”, а термин “презумпция”. Когда мы анализировали пресуппозицию, то подчеркивали, что она обусловлена семантикой предложения в целом и смыслом входящих в него слов. Презумпции речевого акта, помимо явно выраженной семантики, основываются также и на прагматике высказывания, учитывающей цели и намерения говорящего. “Семантическая презумпция – это отношение между компонентами предложения, а прагматическая презумпция – это пропозициональная установка (субъектом которой является говорящий)” [3].

Презумпции, как известно, определяют тот возможный мир, в котором выполнено, т. е. имеет смысл, высказывание. Учитывая прагматический аспект высказывания, можно говорить о презумпциях, допустимых не только в нашем реальном мире, но и в любом возможном мире. Так, если высказывания вводятся “миропорождающими” предикатами “если”, “снится”, “допустим” и т. п., то факт, который предполагается ими, может стать презумпцией. Например, *Мне приснилось, что никто не понимает, что я немец*. Высказывание переносит нас в нереальный мир, и тем не менее “Я – немец” является фактом в мире моего сна и может стать презумпцией для следующего предложения: *Никто не понимает, что я немец* [6].

Таким образом, помимо явно выраженного семантического содержания высказывания, дополнительным ресурсом для вывода обладают

контекст, иллокуции говорящего, фоновые знания коммуникантов. Допустим, что отец дал сыну 5 марок на мелкие расходы, а мать – 2 марки. Тогда высказывание сына, обращенное к матери, “а ты щедрее папы”, будет проинтерпретировано слушающим таким образом: *оба родителя скупы*, хотя из семантики сказанного следует буквальная презумпция *оба родителя щедры*. Таким образом, знание контекста помогает уловить скрытый иронический смысл сказанного. “Семантическая структура высказывания, - отмечает Хоанг Фэ, - это многоуровневая структура, компонентами которой являются пресуппозиции, а также эксплицитное и имплицитное содержание высказывания” [19, 401].

Для возможных выводов из высказывания важно учитывать и прагматические презумпции, и экстралингвистические факторы и эксплицитное содержание. Так высказывание *мальчик не был бы так несчастен, если бы была жива его мать* в определенном контексте может иметь пресуппозицию *у мальчика есть мачеха*. Из нее уже можно сделать новый вывод: *мальчик несчастен, потому что у него нет матери; мачеха плохо с ним обращается* и т. д.

Очень важны для вывода фоновые знания слушающего. Так слова вьетнамской песни:

Когда угорь пойдет на нерест в заросли смоконниц,

А сорока начнет высиживать птенцов на дне реки,

Я женюсь на тебе, -

могут быть правильно истолкованы только в том случае, если знать, что угорь не может нереститься на суше, а сорока – высиживать птенцов на дне реки. Тогда подлинный смысл, выведенный из сказанного означает, что говорящий не может жениться [там же, 400]

Существует еще одно важное отличие логики речевых актов от обычной формальной логики, применимой только к эксплицитным высказываниям. Формально-логический вывод, подчиняющийся формулам $p \supset q$ и $\neg p \supset \neg q$, можно сделать, если известны значения p и q . Однако, как показали Остин и Серль, к большинству перформативов не применима истинностная оценка. Учитывая сказанное, Грайс и Лакофф называют логику речевых актов естественной логикой.

Чтобы отличить выводы из речевых актов от обычных логических следствий, Грайс вводит различие между конвенциональными выводами, которые вытекают из явно выраженного конвенционального (общепринятого) смысла слов, и коммуникативными, которые вытекают из экстралингвистических факторов [5]. Лакофф предпочитает в этом случае говорить о логических следствиях и импликациях [11].

В оценке специфики коммуникативных импликаций мнения ученых разошлись. Одни, как Грайс, резко противопоставили их формальной логике, базирующейся на явном смысле высказывания и его истинностном значении. Другие, как Лакофф, пытались сблизить формальную и естественную логики. Так Лакофф считал, что многие экстралингвистические факторы, например, такие как социокультурные нормы и иллокутивные предпосылки можно сделать явными и придать им характер постулатов в расширенной системе формальной логики.

Пытаясь преодолеть принципиальное отличие речевых актов, не имеющих истинностного значения, от дескриптивных суждений, всегда имеющих истинностное значение и подчиняющихся нормам логического вывода, Лакофф использует аналогию между *истиной* (в обычной логике) и *успехом* в речевых актах. Другими словами, вместо формулы “ P истинно в мире W ”, принимаемой формальной логикой, для естественной логики принимается формула “ P успешно в мире W ”. “Задача состоит в том, - замечает Лакофф, - чтобы приравнять истинностное значение, свойственное неперформативным предложениям, к значению успешности, свойственному перформативным предложениям” [1].

И Грайс, и Лакофф пытаются выявить и структурировать те экстралингвистические факторы, которые лежат в основе естественной логики речевых актов.

Грайс, формулируя свои постулаты (принципы) речевого общения, исходит из того, что речевой акт является действием, имеющим определенную цель, а коммуникация между говорящим и слушающим – это совместная деятельность, в которой коммуниканты стремятся к общему успеху [там же].

В любом виде деятельности партнеры, совместно стремящиеся к общей цели, берут на себя определенные обязательства друг перед другом, чтобы достигнуть желаемого результата. Выполнение этих обязательств и обуславливает *совместность* деятельности партнеров, *согласованность* их действий. Другими словами, если кто-то разводит костер, то другой не должен лить в него воду. Согласованным актом будет подбрасывание в костер сухих веток. “Речевое общение, - утверждает Грайс, - обладает, хотя и в своеобразной форме, общими свойствами, характеризующими совместную деятельность любого типа” [5].

Наиболее общим и значимым для успешной коммуникации будет Принцип Кооперации, который можно выразить следующим образом: “Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого

диалога” [там же]. Этот принцип Грайс конкретизирует в постулатах речевого общения.

1. Постулат Количества означает: “Твое высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для успешного достижения целей диалога”. Примерами явного нарушения этого постулата являются тавтологии (*Женщина есть женщина*). Недостаточность информации не приближает нас к цели диалога, а ее избыток может породить ненужные отклонения от темы диалога. Иногда недостаток информации является запланированным в коммуникации, если один из коммуникантов по каким-либо причинам (например, по этическим) уходит от прямого ответа на вопрос, надеясь на то, что слушающий способен сам вывести нужную ему информацию из сказанного. Рассмотрим в связи с этим один пример.

Допустим на кафедре философии освободилось место ассистента и профессор А намеревается взять на это место ученика Х профессора Б. Поэтому он обращается к профессору Б дать рекомендацию Х. Б отвечает следующим образом: “Милостивый государь, мистер Х превосходно владеет английским языком; он регулярно посещал семинары. Искренне Ваш и т. д.”.

Информация, представленная Б, на первый взгляд, явно недостаточна. Нельзя сказать, что Б уклоняется от ответа, поскольку он все-таки написал рекомендательное письмо. Исходя из Принципа Кооперации (т. е. сотрудничества в диалоге) можно предположить только одно: Б хочет передать сведения, которые не желает сообщить прямо и надеется на то, что А выведет из сказанного нужную ему информацию.

2. Постулат Качества сводится к тому, чтобы коммуникант не говорил того, что он считает ложным, или того, для чего у него нет достаточных оснований. По существу, постулат Качества коррелируется с искренностью говорящего и запрещает высказывания подобного рода: *Я утверждаю, что N победит на выборах, но не верю в это; Я обещаю вам исправить положение дел, но не намерен делать этого*.

3. Постулат Релевантности Грайс связывает с категорией Отношения, его суть может быть выражена весьма просто: “Не отклоняйся от темы”. Любой шаг в дискурсе коммуникантов должен добавлять новую информацию по обсуждаемой теме, а не уводить в сторону от нее. Ситуации, соответствующие русской поговорке “Я ему про Фому, а он мне про Ерему” запрещаются принципом релевантности.

4. Следующий постулат, который можно было бы назвать постулатом Ясности, Грайс связывает с категорией Способа осуществления коммуникативного акта. Здесь имеется в виду способ ведения диалога, отвечающий условиям

взаимопонимания коммуникантов. Он опирается на простые правила: а) избегай непонятных выражений; б) избегай неоднозначности; в) будь краток (избегай многословия); г) будь организован.

К этим коммуникативным постулатам Д. Гордон и Дж. Лакофф добавляют условия (постулаты) *искренности* и *мотивированности*. Условие искренности означает, что намерение говорящего, лежащее в основе его речевого акта, является искренним, т.е., если говорящий искренне **просит** сделать р слушающего, то он **хочет**, чтобы тот сделал р; если говорящий искренне **утверждает**, что р, то он **считает (верит)**, что р.[4] Условие искренности запрещает как отклоняющиеся от нормы высказывания, подобные *на улице идет дождь, но я в это не верю*, хотя с семантической точки зрения здесь нет никаких нарушений.

Условие мотивированности предполагает, что у говорящего есть веские основания для соответствующих речевых актов: утверждения, отрицания, сомнения, просьбы, приказы, обещания и т. п. *Утверждение* мотивировано, если говорящий *верит* в его истинность. *Просьба* мотивирована, если говорящий имеет основание *хотеть* ее выполнения (т. е. испытывает некоторую нужду); считает, что слушающий *может* ее выполнить, что *без этой просьбы* слушающий *не сделает* этого. *Обещание* мотивировано, если только у говорящего есть *намерение* его *выполнить* и есть достаточные основания для этого намерения.

Условие мотивированности всегда связано с условием искренности, и если мотивированность (просьбы, утверждения, обещания и т. п.) подвергается сомнению, тем самым подвергается сомнению и искренность соответствующего речевого акта.

Постулаты мотивированности и искренности, сформулированные Гордоном и Лакоффом, позволяют перевести все скрытые иллокуции (намерения, цели, мотивы) говорящего в явную форму логических оснований речевого акта, которые рассматриваются слушающим как предпосылки для своих умозаключений.

Постулаты речевого общения чрезвычайно важны для тех выводов, которые слушающий может извлечь из речевого акта говорящего. Их можно в некотором плане сравнить с силлогизмами классической логики, но если силлогизмы оперируют с эксплицитным содержанием высказываний, то указанные постулаты позволяют выйти в новое логическое пространство: в сферу мотивов, целей, намерений говорящего.

Допустим, говорящий обращается к слушающему с вопросом: “*Не можете ли вы подать мне соль?*” В обычных условиях вопрос

требует ответа, и, казалось бы, релевантным был бы ответ “Да” или “Нет”. Однако в определенных контекстных условиях, например, когда собеседники обедают за общим столом, простой ответ “Да” или “Нет” уже не считается релевантным. Слушающий рассуждает следующим образом: 1) вряд ли у говорящего есть сомнения в моих физических способностях; 2) у говорящего есть мотив для заданного вопроса, и если это не вопрос о моих физических способностях, то 3) говорящий имеет в виду просьбу (подать соль), именно просьба является релевантным истолкованием слов говорящего, и 5) он искренен в своей просьбе, т. е. желает получить соль, и 6) он не может сам достать соль, которая стоит около меня, поэтому 7) он просит меня это сделать, и 8) он полагает, что я могу это сделать; 9) значит в соответствии с Принципом Кооперации я должен подать ему соль.

Таким образом, опираясь на сказанное, т. е. эксплицитно выраженный смысл, постулаты общения и контекст общения, можно сделать импликации, т. е. вывести следствия. Все возможные импликации, выводимые из речевого акта, можно разбить на два класса: на импликации, выводимые из общезначимого смысла произнесенных слов (Грайс называет их конвенциональными), и импликации, выводимые из предположения о существовании иллокутивной цели высказывания, т. е. намерений и мотивов говорящего.

Так, слушающий, услышав обращенное к нему высказывание говорящего “Во дворе злая собака”, интерпретирует его примерно следующим образом. Сказав “собака” говорящий имел в виду *собаку*, сказав “во дворе”, он имел в виду ее местонахождение *во дворе*. Говорящий описал определенное *положение дел*, из которого следует, что во дворе находится животное, и это не корова, не лошадь, а именно – собака. Собака относится к числу животных, охраняющих дом, т. е. это сторожевое животное, обычно сторожевая собака опасна для посторонних (*злая собака*) и т. д. Все эти импликации достаточно очевидны и основываются на языковых конвенциях. Они вытекают из сказанного, т. е. явно выраженного смысла в речевом акте.

Однако помимо этих импликаций можно сделать и другие выводы, основываясь на Постулатах речевого общения. Слушающий может предположить, что говорящий сказал мне *это* не случайно, и вряд ли он имел в виду мой зоологический интерес к животным, находящимся за забором. Во всяком случае я не давал ему для этого никакого повода, я просто хотел зайти во двор. Произнося указанную реплику, говорящий имел определенную иллокутивную цель, а именно: он хотел предостеречь (предупрежде-

ние) от неосторожного поступка. Я должен считать его намерение искренним. Более того, говорящий, сообщая мне эту информацию, считает, что я ее не знаю, и без этого знания меня подстерегает опасность. Говорящий вряд ли бы сообщил мне о собаке, если бы она была маленькой доброй шавкой, что и подчеркивает словом “злая”. Говорящий полагает, что получив достаточную (количество) и истинную (качество) информацию, я смогу оценить все обстоятельства моего предполагаемого поступка и принять правильное решение. Например, позвонить в звонок, чтобы вышли хозяева.

Все эти выводы слушающий делает, исходя из предположений, скрывающихся за сказанным, не манифестируемых прямо, но находящихся в интенциональной сфере говорящего. Это и есть коммуникативные импликации. Коммуникативные импликации опираются не столько на *смысл* сказанного, сколько на *замысел* речевого акта.

Эти выводы (импликации) исходят из презумпции того, что высказывание является *действием*, в данном случае способным повлиять на поведение слушающего. Следовательно, говорящий имеет определенную цель и его действие рассчитано на успех, который обусловлен определенным способом выражения (количеством и качеством выраженной информации). “При выводе определенной коммуникативной импликации, - указывает Грайс, - слушающий опирается на следующую информацию: 1) конвенциональное значение используемых слов и знание всех их референтов; 2) Принцип Кооперации и постулаты; 3) контекст высказывания – как лингвистический, так и любой другой; 4) прочие фоновые знания; 5) тот факт (или допущение), что вся указанная выше релевантная информация доступна для обоих участников коммуникации и что они оба знают или предполагают, что это так”. [5, 227].

Во всех случаях неявное (не манифестируемое) в смысле скрыто за конвенциональным манифестируемым смыслом. Чтобы пробиться к не манифестируемому смыслу, нужно в начале понять смысл манифестируемых выражений, т. е. понять, что сказано. Коммуникативный имплицит явно не входит в смысл сказанного, но он предполагается сказанным и принципами речевого общения. При этом важное значение для вывода импликаций приобретает способ выражения т. е. не только то, что сказано, но и то, как это сказано. Если главным препятствием для конвенциональных (семантических) выводов является неоднозначность лексем, то для коммуникативных импликаций главная трудность состоит в раскрытии скрытых намерений и целей говорящего.

§ 3. Косвенные речевые акты.

Применение косвенных смыслов в речевых актах является довольно распространенным делом. Косвенный смысл обнаруживает себя в речевых актах как расхождение смыслов, выраженных локуцией и скрытой иллюкуцией. “При намеках, выпадах, иронии, метафоре и т. п., - отмечает Дж. Серль, - значение высказывания данного говорящего и значение соответствующего предложения во многих отношениях расходятся” [14, 195].

Так, предложение *Не можете ли вы подать соль?* Содержит явную иллюкуцию говорящего, т. е. вопрос, но в то же время предполагает другую, не выраженную в высказывании иллюкуцию, т. е. просьбу. Следовательно, в косвенных речевых актах “один иллюкутивный акт осуществляется опосредованно путем осуществления другого” [там же, 196].

По мнению Р. Конрада, косвенный речевой акт SA₁ имеет место в том случае, если “он может быть получен с помощью операций логического вывода из прямого значения предложения S₁, реализующего некоторый речевой акт SA₁, и из определенных сведений о соответствующей ситуации, непосредственно не связанных с предложением S₁ и речевым актом SA₁” [7, 356]. Понимание косвенного речевого акта предполагает способность слушающего к выводу умозаключений. Через буквально сказанное в определенных контекстных условиях говорящий подает слушающему знаки (т. е. осуществляет некоторую локуцию) об ином, скрытом, не лежащем на поверхности, смысле, который и предстоит найти слушающему путем некоторых рассуждений. Эти рассуждения подчиняются естественной логике, выходящей за пределы формальной логики.

Рассмотрим пример Г. П. Грайса. А и Б разговаривают о своем общем приятеле В, работающем в банке. А спрашивает, как дела у В на работе? Б отвечает: “Думаю, более или менее в порядке: ему нравятся сослуживцы, и *он еще не попал в тюрьму*”. [Гр219] Первая часть ответа, хотя и является очень общей, в целом соответствует принципу релевантности. Что вызывает сомнение в релевантности ответа, так это его вторая часть, выделенная курсивом. Что, собственно говоря, хотел этим сказать Б? А знает, что В работает в банке (и, следовательно, не находится в тюрьме), впрочем, и первая часть ответа подтверждает эту информацию.

Вторая часть ответа фиксируется спрашивающим как некоторое *отклонение* от темы, т. е. как нарушение релевантности. Но ответ согласно Принципу Кооперации должен быть релевантным! Следовательно, А вынужден предпо-

ложить, что Б выражает здесь некоторый намек относительно моральных качеств В. Поверхностная нерелевантность ответа объяснима только тем, что Б предполагает, что нужный смысл А способен вывести самостоятельно. Из сказанного, что В *еще не попал в тюрьму* следует, что В способен *попасть в тюрьму в силу своей бесчестности*. Б предполагает, что А способен вывести это умозаключение, следовательно, он имплицитно предполагает, что В *потенциально бесчестный человек*.

Общая формула косвенного смысла, по Грайсу, выражается таким образом. Сказав р, говорящий коммуникативно имплицитно, что q: “Он сказал, что р; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать р, если бы он не считал, что q; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q; он хочет, чтобы я думал – или хотя бы готов позволить мне думать – что q: итак, он имплицитно, что q”.[5, 227-228] Подлинный смысл в косвенном речевом акте специально скрывается говорящим и требует от слушающего своего восстановления, реконструкции путем рассуждений. Говорящий надеется, что слушающий, включив все свои коммуникативные ресурсы (сказанное говорящим, контекстную ситуацию, фоновые знания) и опираясь на Принцип Кооперации в диалоге, в конце концов выведет скрытый смысл.

Каким же образом слушающий догадывается, что имеет дело с косвенным, а не прямым смыслом? С нашей точки зрения, здесь нет никакой тайны: косвенный смысл буквально *показывает*, обнаруживает себя в косвенном речевом акте *отклонением* от стандартной модели коммуникации. В косвенном речевом акте это отклонение проявляется в том, что буквальный смысл сказанного нарушает либо семантическое согласование, либо постулаты речевого общения, либо, наконец, не соответствуют контекстным условиям общения (например, истинностным условиям, социокультурным нормам). Конечно, возможно и сочетание различных видов отклонения.

Примером семантического отклонения является фраза *Ваш друг – дубина*. Отклонение от принципов речевого общения обнаруживается в уже рассмотренном примере Грайса с нерелевантной рекомендацией профессора, данной своему ученику. Отклонение от истинностных условий обнаруживается в иронии, когда, например, начальник говорит в очередной раз опоздавшей на работу и растрепанной сотруднице: *Вы как всегда пришли на работу вовремя и пре-красно выглядите*. Примером отклонения от

социокультурных норм будет диалог друзей: Николай (Петру): *Я не могу до тебя дозвониться, где ты шляешься каждый вечер?* Петр: *Прости, я, безусловно обязан информировать тебя о своей личной жизни.*

Однако отклонение отклонению рознь. Нельзя не учитывать, что реально существуют болезненные расстройства умственной деятельности, которые ведут к отклонению от норм речевого общения. Конечно, эти отклонения не являются косвенным смыслом, ибо они спонтанны, не запланированы заранее больным человеком. В косвенных речевых актах, наоборот, мы имеем дело с запланированным отклонением, которое является маркером первичной, т. е. подлинной, цели речевого акта. Поэтому слушающий, обнаружив это отклонение, должен сделать попытку выявления запланированной цели говорящего, включив ресурс своих умозаключений. По существу, умозаключения, направленные на восстановление подлинного смысла речевого акта, есть вид интерпретации сказанного.

Обнаружив отклонение, слушающий принимает установку – сказав *p*, говорящий имел в виду *q*, - т. е. идентифицирует сказанное как косвенный речевой акт и предпринимает усилия для разыскания подлинного смысла *q*. Своей интерпретацией сказанного слушающий снимает первоначальное отклонение от нормы и находит подлинный смысл, который уже будет соответствовать всем принципам коммуникативного общения. С точки зрения Дж. Серля, “в косвенных речевых актах говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а так же на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые у слушающего”. [14, 197].

Наиболее изученными являются косвенные речевые акты, в которых вопросительная форма предложения используется для выражения просьбы, например: *Можете ли вы подать соль? Можете ли вы разменять мелочь? Можете ли вы подать книгу с верхней полки?* Почему, собственно говоря, мы имеем дело здесь с косвенным речевым актом? Да потому, что подлинное намерение говорящего Г (побудить слушающего к определенному действию) скрыто за конвенциональным и эксплицитно выраженным смыслом – вопрошанием о способностях слушающего С. Итак, мы имеем дело с двумя иллокуциями в вопросительных косвенных актах. Одна из них явно выражена в сформулированном вопросе, другая (скрытая) содержит просьбу выполнить определенное действие А. Но это две совершенно различные иллокуции.

Для того, чтобы действие было успешным, оно должно удовлетворять некоторым условиям. Для просьбы П такими П - условиями будут:

1) Подготовительное условие: С способен осуществить А;

2) Условие искренности: Г хочет, чтобы С сделал А;

3) Условие пропозиционального содержания: Г предсказывает будущий акт А со стороны С;

4) Существенное условие: попытка Г побудить С сделать А [там же, 209].

Для вопрошания В - условия успешности будут другими:

1) Подготовительные условия:

а) Г не знает, способен ли С произвести действие А;

б) С знает, что способен (или не способен) произвести действие А;

в) Г знает, что С может информировать его о своих способностях;

2) Условие искренности: Г хочет знать, на что способен С;

3) Условие пропозиционального содержания: Г предсказывает положение дел, которые способен или не способен осуществить С;

4) Существенное условие: Г своим вопросом побуждает С дать ответ о возможности А.

Специфика вопросительного косвенного речевого акта заключается в том, что он содержит эксплицитно выраженную иллокуцию вопрошания (и, следовательно, побуждения к ответу) и вместе с тем – первичную (скрытую) иллокуцию говорящего (просьбу), побуждающую С совершить определенный акт А. Вообще говоря, слушающий стоит перед выбором определенной стратегии поведения: отвечать ли ему на вопрос говорящего о своих способностях или совершить определенное действие А, соответствующее его просьбе? Ведь в принципе слушающий может понять вопрос *можете ли вы подать соль?* буквально и ответить: “Нет”. В этом случае коммуникация завершается, и говорящий, даже если он и ожидал от слушающего реального действия (т. е. подачи соли) вряд ли вновь обратится к нему с прямой просьбой: *Подайте мне, пожалуйста, соль.* Другими словами, для успеха коммуникативного действия слушающий должен оценить речевой акт говорящего либо как вопрос, либо как просьбу. И естественно, сделав этот выбор, слушающий будет ориентироваться либо на В – условия, либо на П – условия.

Выбор стратегии поведения слушающего распадается на два этапа: 1) обнаружение отклонения буквально (т. е. эксплицитно) выра-

женной иллокуции от подлинной цели говорящего; 2) выявление подлинной цели говорящего. И то, и другое предполагают имплицативную деятельность слушающего. Вот как представляет стратегию умозаключений слушающего Дж. Серль:

Шаг 1. Г задал мне вопрос о том, обладаю ли я способностью передать ему соль.

Шаг 2. Я предполагаю, что в рамках данного диалога он ведет себя по законам взаимодействия и что, следовательно, его высказывание имеет некоторую цель или направленность (принцип кооперации в речевом общении).

Шаг 3. Обстановка речевого общения не предполагает у собеседника абстрактного интереса к моей способности передать соль (дополнительная фоновая информация).

Шаг 4. Более того, он, по-видимому, уже знает, что ответ на этот вопрос будет положительным (фактологическая фоновая информация). Этот шаг облегчает переход к шагу 5, но не обязательно.

Шаг 5. Следовательно, его высказывание представляет собой не просто вопрос. По-видимому, оно обладает скрытой иллокутивной целью (умозаключение на основе шагов 1, 2, 3 и 4). Какой может быть эта цель?

Шаг 6. Подготовительным условием для любого побудительного иллокутивного акта является способность С осуществить акт, предсказуемый в условии пропозиционального содержания (теория речевых актов).

Шаг 7. Следовательно, Г задал мне вопрос, из положительного ответа на который следует, что выполнено подготовительное условие для обращенной ко мне просьбы передать соль (умозаключение на основе шагов 1 и 6).

Шаг 8. Сейчас мы обедаем; люди обычно за обедом пользуются солью; они передают соль друг другу, просят других передать соль и т. д. (фоновая информация).

Шаг 9. Следовательно, Г подразумевал выполнение подготовительного условия для просьбы, обращенной, весьма вероятно, ко мне: он хочет, чтобы я был готов ее выполнить (умозаключение на основе шагов 7 и 8).

Шаг 10. Следовательно, в силу отсутствия какой-либо другой разумной иллокутивной цели он, по-видимому, просит передать ему соль (умозаключение на основе шагов 5 и 9) [там же, 211-212].

Косвенные побуждения осуществимы не только с помощью вопроса о способностях слушающего. Они могут быть также реализованы через иллокуцию, касающуюся желания Г (*Я хочу, чтобы вы сделали это для меня, Генри*), предложения для С осуществить определенный

акт (*Прекратите ли вы устраивать такой шум?*) или вопроса о желании С сделать А (*Не будете ли вы так любезны не устраивать такого шума?*), указания на причину осуществления А (*Не лучше ли вам уйти сейчас?*). Во многих ситуациях общения вопрос становится стереотипной формой побуждения. Например, в ресторанах, гостиницах, офисах распространены стандартные формы косвенных речевых актов. Например, (в ресторане) *Не подадите ли мне пепельницу?*, (в гостинице) *Не поднимите ли мой чемодан наверх?*, (в офисе) *Не могли бы вы меня выслушать?* и т. д. Поэтому многие косвенные речевые акты становятся в стандартных условиях общения идиомами, что практически однозначно предопределяет выбор адекватной стратегии поведения слушающим [там же, 214].

Р. Конрад, анализируя логику косвенных речевых актов подчеркивает, что вопросительная форма побуждения не является простой данью вежливости, как об это часто пишут, но обусловлена осмысленной стратегией поведения говорящего [7]. Косвенный речевой акт в виде вопроса сознательно планируется говорящим для успешного достижения своей цели: реализации желаемого действия со стороны слушающего.

Косвенный речевой акт означает осмысленный переход от формы вопроса ?р (р – пропозициональное содержание вопроса) к форме побуждения !р: ?р → !р. Этот переход, вообще говоря, не является однозначно предопределенным, он содержит альтернативы. Эти альтернативы взвешиваются, осознаются и рассчитываются как говорящим, так и слушающим. Простой вопрос *Можете ли вы открыть окно?* в подходящей ситуации обычно понимается слушающим как просьба открыть окно. Однако переход ?р → !р не так уж и прост. Говорящий, подразумевая иллокуцию побуждения, должен считаться с возможностью, что слушающий не *Может* (или не *Готов*) осуществить р.

Таким образом, говорящий, задавая вопрос, предполагает альтернативные ответы слушающего: да или нет. С другой стороны, слушающий, осмысливая вопрос, должен определить подлинную иллокуцию говорящего: а) *Хочет ли говорящий, чтобы я совершил действие р* или б) *он Хочет, чтобы я информировал его о своих способностях*. Учитывая эти альтернативы, мы можем восстановить этапы коммуникативной деятельности, которые пропущены (сокращены) в речевом акте. При этом возможны два варианта протекания этой деятельности с помощью речевых актов.

Первый вариант.

1. Вопрос Г (Можете ли вы открыть окно?) → 2. Да (ответ С) → 3. Просьба Г (Тогда откройте!) → 4. Rс (реальное действие С: открывание окна).
Второй вариант.

1. Вопрос Г (Можете ли вы открыть окно?) → 2. Нет (ответ С).

Во втором случае слушающий оценил иллюзии говорящего как просьбу об информировании о своих способностях и считает коммуникацию исчерпанной. Говорящий, если он на самом деле имел в виду совсем иное (побуждение слушающего к действию), вынужден считать свой речевой акт неуспешным, не достигшим цели. Он может объяснить это различными предположениями, например: а) слушающий не желает с ним сотрудничать (нарушение принципа кооперации), б) слушающий не понял его намерений (косвенная просьба), в) существуют реальные препятствия в осуществлении действия слушающего (например, окно имеет какой-то секрет, существует физическое ограничение в возможностях слушающего и т. п.). Выбрав какую-либо из предполагаемых альтернатив в качестве посылки, говорящий может либо прекратить коммуникацию, либо развить ее по иной стратегии.

Однако обычно коммуникация развивается по первому сценарию. Первая схема отражает не реальную, а виртуальную ситуацию. Реальная ситуация выражается схемой: 1. Вопрос Г → 4. Rс (реальное действие С). Следовательно, акты 2, 3 в этой схеме пропущены. Это объяснимо при допущении, что акты 2 и 3 проигрываются в уме как говорящего, так и слушающего. Говорящий Намерен (Хочет) осуществить р с помощью слушающего, он предполагает, что слушающий Может (Готов) выполнить р (предполагаемый ответ – акт 2), поэтому скрытно (имплицитно) каузирует в вопросе просьбу (акт 3). Слушающий понимает истинное намерение говорящего (Хочет р), он считает, что говорящий предполагает его готовность совершить р (предполагаемый ответ – акт 2), поэтому он каузирует в вопросе просьбу (акт 3). Слушающий, сделав все эти умозаключения, сразу осуществляет акт 4 (Rс).

Почему же говорящий выражает свою просьбу не в прямом акте, а в косвенном: в виде вопроса? Вопросительная форма не простая дань вежливости, но обусловлена учетом второго сценария развития событий; т.е. невозможностью или нежеланием или неготовностью слушающего произвести р. Поэтому “в случае косвенного употребления вопросительных предложений значение вопроса обязательно сохраняется” [там же, 356] Понимание косвенных смы-

слов предполагает, по Конраду, “потенциальные, т. е., собственно говоря, пропущенные, вообразаемые, а не реальные речевые акты” [там же, 358]. Восстановление пропущенных актов достигается на основе умозаключений, которые невозможно вывести из эксплицитно выраженного смысла, решающую роль здесь приобретает контекст, как лингвистический, так и экстралингвистический. Весьма существенным фактором экстралингвистического характера является учет реальной ситуации, в которой осуществляются речевые акты.

Рассмотрим более сложный пример косвенного речевого акта, анализируемый Конрадом. Говорящий обращается к стоящему в трамвае человеку с вопросом: “Вы сейчас выходите?”, который можно интерпретировать как просьбу: “Позвольте мне пройти!” Коммуникативное поведение говорящего может развиваться по различным сценариям:

а) 1. Вопрос Г (Вы выходите?) → 2. R1 (С отходит в сторону, пропуская Г) → 3. Г выходит.

б) 1. Вопрос Г (Вы выходите?) → 2. Да (ответ С) → 3. R2 (С выходит, освобождая место для Г) → 4. Г выходит.

в) Вопрос Г (Вы выходите?) → 2. Нет (ответ С) → 3. Просьба Г (отойдите, пожалуйста, в сторону) → 4. R1 и Г выходит.

г) Вопрос Г (Вы выходите?) → 2. Нет (ответ С) → 3. Просьба Г (отойдите, пожалуйста, в сторону) → 4. R3 (С не отходит) → 5. Г не выходит.

Вариант г является нарушением принципов кооперации (сотрудничества) в коммуникации и не соответствует стандартным нормам поведения в обществе. Вариант а является типичной реакцией слушающего, расшифровавшего косвенный смысл вопроса.

Восстанавливая подлинный смысл сказанного говорящим, слушающий производит импликации: говорящий А) Хочет, чтобы я совершил р; В) говорящий Намерен добиться от меня совершения р; С) говорящий Каузирует побуждение !р. Эти импликации спрашивающий выводит из учета реальной ситуации, типичной схемы поведения в данной ситуации и принципов коммуникации (условия искренности побуждения). Условия А, В, С имеют, по мнению Конрада, экстралингвистическую природу и “не получают непосредственного языкового выражения, то есть вербальный акт требования... не имеет места” [там же, 359].

Следует отметить, что слушающий может совершить акт 2 в сценарии а, если он сделает еще два умозаключения: во-первых, он осозна-

ет, что говорящий имеет своей конечной целью выйти из трамвая, во-вторых, что именно он (слушающий) является препятствием на пути выполнения этой цели. Они не вербализуются слушающим, а логически подразумеваются, и в результате слушающим предпринимается действие R1.

Наконец, в сценарии в слушающий отвечает “Нет”. Именно этот отрицательный ответ слушающего порождает акт 3 – просьбу говорящего отойти в сторону. В принципе сценарий в повторяет сценарий а. Различие между ними в том, что в сценарии а пропущены акты 2 и 3, которые присутствуют в сценарии в, но они подразумеваются и учитываются слушающим, осуществляющим действие R1. Следует подчеркнуть, что сокращение предполагаемых речевых актов в сценарии а возможны только в случае потенциально возможного отрицательного ответа. Анализируемый пример является более сложным, чем рассмотренный выше пример с просьбой открыть окно. Его сложность в том, что слушающий может дать различные ответы, осознав, что он является препятствием на пути достижения конечной цели говорящего и предпринять соответствующие различные действия. Кроме того, если в примере *Не можете ли вы открыть окно?* пропозициональное содержание вопроса и побуждения сохранялось (? р → ! р), то в последнем примере оно существенно различается: Вы выходите? → Отойдите, пожалуйста, в сторону!, т. е. реализуется формула ?р → !q. Это еще раз говорит о том, что смысл побуждения может и не содержаться в вербальном акте говорящего (в сценарии а).

В любом случае вопрос логически необходим именно из-за того, что слушающий может предпринять различные действия. Если бы говорящий предпринял прямой речевой акт, например, *отойдите, пожалуйста, в сторону*, он мог бы встретить возражение со стороны слушающего, например, *С какой стати?*, или, просчитав варианты, *Я собираюсь выходить* и т. д. Вопросительная форма речевого акта, предпринятого говорящим, обусловлена желанием последнего добиться успеха в реализации конечной цели, а это предполагает выяснение условий достижения успеха, зависящих от позиции слушающего. Ведь именно слушающий является препятствием на пути осуществления этой цели.

В выборе формы побуждения говорящий учитывает социокультурные нормы иерархии, поэтому возможны два варианта:

А) Слушающий обязан сделать р: Обязан (С, р);

Б) Слушающий не обязан делать р: — Обязан (С, р).

Условие А характерно для приказов, распоряжений, команд и т. п. Условие Б характерно для просьб, предложений, рекомендаций, советов. Пытаясь побудить слушающего сделать р, говорящий помимо уже рассмотренных условий Хочет (Г, С, р), Намерен (Г, С, р), должен выяснить для обеспечения успеха еще два условия:

В) Может (С, р) – в состоянии ли слушающий осуществить р;

Г) Готов (С, р) – готов ли слушающий сделать р.

Именно условие Г имеет решающее значение для случаев, предусмотренных ситуацией Б. Косвенный вопрос направлен прежде на выяснение условия Г. Говорящий вынужден сознательно вводить вопросительную форму “?р”, поскольку *не знает* ответа слушающего. Понятно, что акт вопрошания не имеет особого значения в стандартных ситуациях (ресторанах, гостиницах, офисах и т. п.), где говорящий знает, что слушающий либо *готов*, либо *обязан* сделать р. Однако в неопределенных ситуациях, когда говорящий не знает, готов ли слушающий совершить р, иллюция вопрошания становится необходимой и сопутствующей побуждению р.

Таким образом, умозаключения в косвенных речевых актах относительно Хочет (Г, р), Намерен (Г, р), Каузирует (Г, р) не имеют языкового выражения, а выводятся из ситуации.[конр380] Умозаключения относительно Обязан или Не – обязан выводятся из знания социокультурных норм. Основания же для вывода Может (С, р) и Готов (С, р) содержатся в языковой форме косвенного речевого акта. Наличие экстралингвистических факторов, обуславливающих импликации в речевых актах, принципиально отличают естественную логику от формальной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Все человеческие смыслы подчиняются логике, которая не противоречит формальной, но существенно выходит за ее пределы. Эту логику можно назвать естественной, или логикой человеческой коммуникации.

Естественная логика содержит две части, которые можно назвать “надводной” и “подводной”. Надводная часть манифестируется в языковых выражениях и подчиняется системе семантических правил (конвенций), прежде всего семантической согласованности имен и предикатов. Предпосылки логичности смысла заложены уже в самом языке, в котором выполняются гиперо-гипонимические отношения имен, отношения контрастности (антонимия), отношения эквивалентности (синонимия).

Предложение как более сложная единица смысла, чем лексема, обладает значительно бо-

лее богатыми логическими возможностями. Из логического анализа предложения можно делать определенные выводы (импликатуры) и реконструировать пресуппозиции. Всякое осмысленное предложение подразумевает определенные пресуппозиционные предпосылки, задающие мир (контекст), в котором предложение обретает свой смысл.

Подводная часть смысла не манифестируется, но играет существенную роль в речевых актах, которые можно рассматривать как действие говорящего по достижению своих целей. К не манифестируемой части могут относиться скрытые намерения говорящего, которые, принципиально важны для понимания сказанного. Речевые акты порождают более богатый спектр презумпций и импликатур, чем предложение. Реконструкция намерений говорящего основывается, с одной стороны, на манифестируемом смысле, подчиняющимся языковым конвенциям, как семантическим, так и прагматическим. Однако во многих случаях манифестируемого смысла оказывается недостаточно, чтобы сделать выводы о намерениях говорящего. Существенную роль в этом случае приобретают экстралингвистические факторы: социокультурный контекст высказывания, социокультурные нормы, фоновые знания.

Если обычный логический вывод из осмысленного (т. е. правильно построенного) повествовательного предложения основывается на знании условий его истинности, то для импликатур речевого акта важнейшее значение приобретают условия его искренности и успешности.

В диалогах проявляются еще более богатые возможности логических выводов. Помимо указанных логических предпосылок (языковые конвенции и экстралингвистические факторы) здесь приходится учитывать принципы кооперации (сотрудничества) коммуникантов в достижении общей цели диалога. Как показывает анализ, важнейшее значение здесь приобретают планы коммуникантов в достижении общих целей, их умозаключения, фоновые знания. Это свидетельствует о том, что процесс взаимопонимания в коммуникации носит существенно рациональный характер, предполагающий последовательное продвижение к общей цели, взвешенную оценку альтернатив в планах коммуникантов, способность делать выводы (вскрывать презумпции и выводить импликатуры), переходить от имплицитного (скрытого) смысла к эксплицитному.

Подлинной мукой для формальной логики являются косвенные речевые акты, в которых коммуникант говорит одно, а имеет в виду совсем другое. Косвенные речевые акты сигнализируют о себе какими-либо отклонениями от

стандартной модели коммуникации. Но именно способность коммуникантов делать выводы из экстралингвистических факторов и их приверженность к коммуникативным принципам кооперации, позволяет слушающему распознать за прямым смыслом сказанного скрытый и подлинный смысл, изначально имевшийся в виду говорящим. Интерпретация слушающим косвенного смысла, основанная на умозаключениях, сделанных из комплекса как лингвистических, так и экстралингвистических условий, обнаруживает подлинный смысл сказанного и снимает первоначальное отклонение высказывания от стандартной модели коммуникации.

Смысл, логика и рациональность неразрывно связаны в человеческой коммуникации и обеспечивают великий дар взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics. V.3, ed by P. Cole and J. Z. Morgan, N.Y., Academic Press, 1975, p. 41-58. *Перевод на русский см.:* Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 217-287.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. - М., 1974.; Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
3. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс. - Вып. XVI.
4. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. - М., 1985.
6. Карттунен Л. Логика английских прилагательных с синтаксическим дополнением / Л. Карттунен // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. М., 1985. - С. 307, 308.
7. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. М., 1985.
8. Кравец А.С. Распутывая ариаднину нить (базовые понятия семантики) / А.С. Кравец // Герменевтика в России: Сб. науч. трудов. Вып. 1. - Воронеж, 2002.
9. Кравец А.С. Деятельностная парадигма смысла / А.С. Кравец // Вестник ВГУ, серия 1, гуман. науки. - № 1. - 2003.

10. Кравец А.С. Структура смысла: от слова к предложению / А.С. Кравец // Вестник ВГУ, серия 1, гуман. науки. - № 1. – 2001.
11. Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. - М, 1985.
12. Остин Дж. Избранное. М., 1999; *Он же*. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в современной лингвистике. - Вып. XVII. - М, 1986.
13. Семантика модальных и интенциональных логик. - М.: Прогресс, 1981.
14. Серль Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVII. - М.: Прогресс, 1986.
15. Серль Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVII. - М: Прогресс, 1986.
16. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения / Ю.С. Степанов. - М.: Наука, 1981.
17. Стросон П. О референции / П. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XIII. - М., 1982.
18. Уфимцева А.А. Лексическое значение (Принципы семиологического описания лексики) / А.А. Уфимцева. - М.: Наука, 1986.
19. Хоанг Фэ. Семантика высказывания / Фэ Хоанг // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. - М., 1985.